А. А. Гиппиус, С. М. Михеев

ЗАМЕТКИ О НАДПИСЯХ-ГРАФФИТИ НОВГОРОДСКОГО СОФИЙСКОГО СОБОРА. Ч. III[1]

Данная работа является предварительной публикацией некоторых результатов исследования надписей-граффити новгородского Софийского собора в рамках подготовки свода древнерусской эпиграфики Великого Новгорода. Изучение надписей в Софийском соборе проводится совместно авторами этой статьи с конца лета 2009 г.

Для публикации граффити разработан специальный формуляр, позволяющий в унифицированной форме представить информацию о надписях. При передаче текста граффити в квадратные скобки берутся буквы, восстанавливаемые неоднозначно, в круглые — чистые конъектуры. Дефис обозначает непрочитанную букву, отточие — неизвестное количество непрочитанных букв. Фигурные скобки обозначают буквы, написанные по ошибке. Угловыми скобками маркируются нормализованные записи древнерусских слов.

Для палеографического анализа и датировки надписей используется методика и терминология А. А. Зализняка[2].

§ 8. Данный раздел посвящен одному из аспектов проблемы стратиграфической датировки надписей-граффити Софийского собора.

По мнению А. А. Медынцевой, при росписи Софии в начале XII в. были покрыты фресками все стены в алтарной части, в наосе храма и в приделе Иоанна Богослова. На этом основании А. А. Медынцева датировала около 60 софийских надписей периодом между временем строительства храма и росписью 1109—1112 г.[3]

В первой части данной статьи мнение А. А. Медынцевой было названо «ошибочным», хотя против него и не было приведено достаточных аргументов[4]. Теперь эта оценка представляется

[1] Продолжение, предыдущие части см.: *Михеев С. М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора // Древняя Русь Вопросы медиевистики. 2010. № 2 (40). С. 91—102. § 1—3; 2010. № 3 (41). С. 74—84 (§ 5—7 — sic!). Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10—01—00101а).

[2] *Зализняк А. А.* Палеография берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1990—1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000. Т. X. С. 134—274.

[3] *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV века. М., 1978. С. 13—14, 61—83. О росписи начала XII в. см.: *Лифшиц Л. И.* Софийский собор // Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI — первая четверть XII века. СПб., 2004. С. 21—97; *Лифшиц Л. И.* Собор Св. Софии. Конец XI — начало XII в.; 1109 г. // Там же. С. 265—403; *Попова О. С., Сарабьянов В. Д.* Живопись второй половины XI — первой четверти XII века // История русского искусства: В 22 т. М., 2007. Т. 1. С. 496—501.

[4] *Михеев С. М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. I // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 2 (40). С. 92. § 1.

не вполне верной. Во-первых, в нижней части стен в алтарной части храма (в алтарной апсиде, виме, жертвеннике и дьяконнике) и в приделе Иоанна Богослова выявлены и зафиксированы реставраторами in situ многочисленные фрагменты фресковой росписи, датируемой началом XII в.[5] Во-вторых, сбитые фрагменты фресковой штукатурки, сходные по своим техническим характеристикам, были обнаружены в алтарной части собора в ходе раскопок Г. М. Штендера в 60-е годы XX в.[6] Наконец, в-третьих, ни одна из надписей на первоначальной цемяночной штукатурке в интересующих нас частях храма не имеет таких палеографических или лингвистических черт, которые позволяли бы однозначно датировать ее временем позже начала XII в.[7]

В алтарной части храма и в приделе Иоанна Богослова в настоящее время доступны для изучения более 300 надписей-граффити на первоначальной цемяночной штукатурке[8]. Для всех этих памятников древнерусской письменности должна быть принята датировка А. А. Медынцевой — не позже времени окончания росписи Софийского собора в начале XII в.[9]

§ 9. В данном разделе разбирается несколько надписей из Мартирьевской паперти, опубликованных А. А. Медынцевой и Т. В. Рождественской.

Надпись № 206 по изданию А. А. Медынцевой

[5] *Штендер Г. М.* Научный отчет об исследованиях Новгородской Софии в 1962–1966 годах при установке отопительно-вентиляционной системы. С. 86, 124–125, 132–134, 153–154 (Новгородское научно-реставрационное управление. Архив. Инв. № Р-1004. Авторы признательны Т. Ю. Царевской за возможность работы с копией данного отчета.); *Лифшиц Л. И.* Собор Св. Софии. Конец XI — начало XII в.; 1109 г. С. 338, 353–356.

[6] *Штендер Г. М.* Научный отчет об исследованиях Новгородской Софии в 1962–1966 годах. С. 92, 156.

[7] Противоположное утверждение в первой части данной статьи было вызвано ошибочным предварительным прочтением нескольких неопубликованных надписей из алтарной части храма.

[8] Участок штукатурки со стены придела Иоанна Богослова с двумя дюжинами граффити находится в основной экспозиции Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

[9] Для датировки еще двух дюжин надписей, раскрытых на цемяночной штукатурке в наосе, необходимы дополнительные исследования.

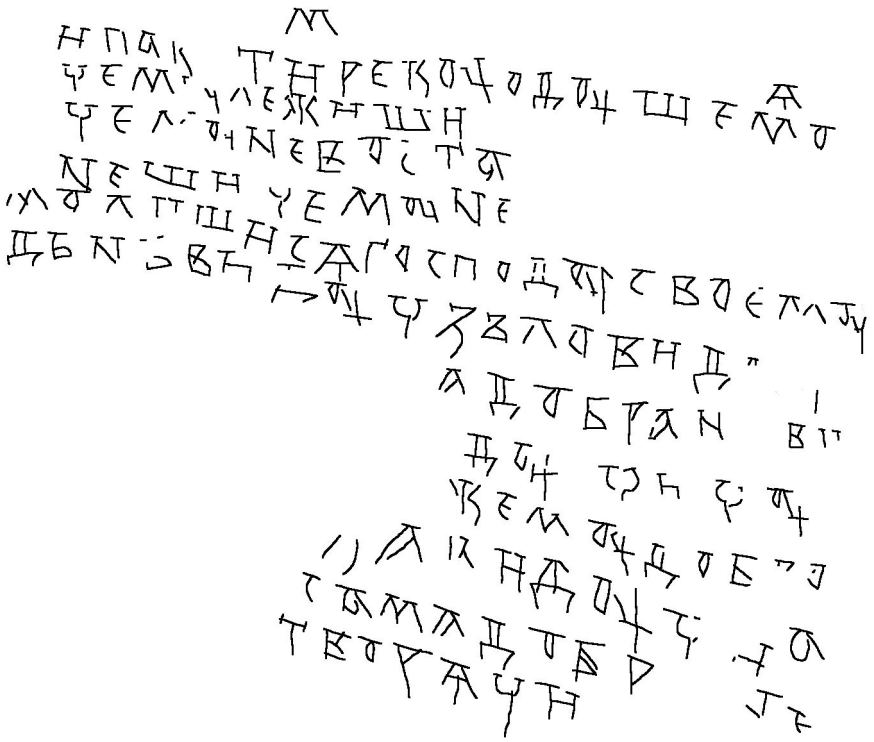


Рис. 1. Надпись № 206

Местоположение: Мартирьевская паперть, северная стена, западная лопатка, западная грань, 30 см от правого края, 137 см от пола.

Материал: Фресковая штукатурка XII в.

Размеры: Высота 24,5 см, длина 29 см.

Контекст: Вторая половина надписи смещена вправо из-за того, что левее располагается другое граффито, очевидно, более раннее.

Прочтение:

1 (…)м(…)
2 и па[к]- ти рекоу о душе моѧ
3 чемоу лежиши
4 чемоу не воста=
5 неши чемоу не
6 молишисѧ господоу своемоу
7 дьнь {ви[д]оуч} зъло ви[до](у)[ч](и)
8 а добра н(е) в[и]=
9 доучи чоу=
10 жемоу добро
11 завидоучи а
12 сама добр(а) не
13 творѧчи

Издания[10]*:* 1. (прорись) Медынцева (1978, № 206)[11]; 1.1. Рождественская (1990)[12]; 2. Рождественская (1994)[13]; 3. (прорись) Рождественская (1995)[14].

Критический аппарат: 2: *ирекоуодушемо*ᵃ Медынцева; 3–6: Медынцева; 7: *дьньви*, *лови* Медынцева, *зъ*, [*д*], [*ч*](*и*) Рождественская; 8: *адобран*, *в*[*и*] Медынцева, (*е*) Рождественская; 9: *доу* Медынцева, *чичоу* Рождественская; 10: *емоудобро* Медынцева, *ж* Рождественская; 11: *завидоу*, *а* Медынцева, *чи* Рождественская; 12: *самадобр*, *не* Медынцева; 13: Медынцева.

Внестратиграфическая датировка: 1140–1200 г. (*в* V «нижняя косая к мачте»; *р* 2 «покрытие»; *у* Iб основной вид (с перемычкой); *оу* II «уменьшенное *о*»; язык: редуцированные сохранены; язык: без прояснения).

Комментарий: Надпись является одним из наиболее значительных эпиграфических памятников Софийского собора. В целом прочтенная усилиями А. А. Медынцевой и Т. В. Рождественской, она до сих пор публиковалась с рядом неточностей, сказывавшихся на общем понимании текста и его лингвистической интерпретации. Отметим главные из них.

Во-первых, предыдущие публикации, начиная текст с *И реку* (А. А. Медынцева) или реконструируемого *Ги*, *рекоу* (Т. В. Рождественская), игнорировали как существование первой строки, от которой сохранилась только одна буква, так и четыре или пять букв в начале второй[15]. Предлагаемое прочтение начала второй строки придает основному тексту надписи (строки 2–13) синтаксическую и смысловую завершенность. Первая строка могла содержать какую-то вводную фразу типа *Господи, помози…* и открываться вынесенным на поле знаком креста (ему может принадлежать вертикальный штрих, предшествующий *и пак*(*ы*) и находящийся левее начал строк 2–5).

Во-вторых, выделявшуюся в начале 7-й строки словоформу *дьньви* нужно признать фиктивной. В действительности, за словом *дьнь* отчетливо читается фрагмент *ви*[*д*]*оуч*, явно написанный по ошибке: автор граффито раньше времени начал записывать словоформу *видоучи*, читаемую далее в этой же строке. При этом пропущенным, скорее всего, оказался фрагмент *и ночь* (ср. «днями и ночами» в переложении А. А. Медынцевой).

В-третьих, формы причастий, переданные в публикации Т. В. Рождественской как *видючи*, *не видоучи*, *завидоуючи*, на самом деле имеют одинаковые суффиксы: *ви*[*до*](*у*)[*ч*](*и*), *не видоучи*, *завидоучи*.

С высоковероятной конъектурой *дьнь* (*и ночь*) и восстановлением недописанного *оу* в конце 10-й строки (*добро* вм. *доброу*) основной текст надписи может быть следующим образом записан с делением на строки, отражающим его ритмическую организацию:

И пак(ы) ти рекоу, о доуше моѧ:
Чемоу лежиши,
Чемоу не въстанеши,

[10] В данной графе перечисляются все публикации, авторы которых приводят свое прочтение полного текста надписи. Первое издание указывается под цифрой «1», зависящие от него издания – под цифрами «1.1», «1.2» и т. д. Новое издание надписи по первоисточнику указывается под цифрой «2». После цифры в круглых скобках указывается, если в издании имеются новые фотографии или прориси надписи.

[11] *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. С. 150, 281. Рис. 125. Надпись также глухо упоминается в ранней работе Т. В. Рождественской: *Рождественская Т. В.* Значение граффити XI–XIV вв. для изучения истории русского языка старшего периода // Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 113.

[12] *Рождественская Т. В.* Эпиграфика средневекового Новгорода и книжно-письменная традиция Древней Руси // Die Slawischen Sprachen. 1990. Bd. 21. C. 66.

[13] *Рождественская Т. В.* Эпиграфические памятники Древней Руси X–XV вв. (проблемы лингвистического источниковедения): Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб., 1994. С. 17–18.

[14] *Рождественская Т. В.* Богослужебные тексты в церковной эпиграфике Древней Руси // Литургия, архитектура и искусство византийского мира: Труды XVIII Международного конгресса византинистов (Москва, 8–15 августа 1991 г.) и другие материалы, посвященные памяти о. Иоанна Мейендорфа. СПб., 1995. (Византинороссика: Труды Санкт-Петербургского Общества византино-славянских исследований. Т. 1.) С. 307–309. Илл. 2.

[15] В работе 1994 г. Т. В. Рождественская приводит начало надписи в виде *Ги мои ги рекоу…* что не подтверждается изучением оригинала.

Чемоу не молиши сѧ
Господоу своемоу дьнь *и ночь*,
Зъло видоучи,
А добра не видоучи,
Чоужемоу доброу завидоучи,
А сама добра не творѧчи?

Перевод: ‘И снова скажу тебе, о душа моя: почему лежишь, почему не встаешь, почему не молишься Господу своему день (и ночь); зло видя, а добра не видя, чужому добру завидуя, а сама добра не творя?’

Круг литературных источников надписи № 206 очерчен в работах Т. В. Рождественской. Главными из них можно считать кондак Великого канона Андрея Критского, написанный Романом Сладкопевцем, и его же кондак вторника Страстной седмицы[16]. В обоих случаях имеет место не прямое текстуальное заимствование, но использование гимнографических топосов и аллюзии к авторитетным образцам. Нужно поэтому полностью согласиться с Т. В. Рождественской, рассматривающей надпись в качестве «самостоятельного поэтического произведения древнерусского внелитургического творчества».[17] Слова «И *пакы* ти реку, о душе моя» эксплицитно представляют текст как е щ е о д н о обращение к душе, каковым он и является по отношению к своим гимнографическим образцам, в первую очередь кондаку Великого канона. Упрек автора собственной душе заключается в том, что та не откликается на уже прозвучавший призыв; ср. «въстани, что дремлеши?» в кондаке и «чемоу не востанеши?» в надписи[18].

Вслед за Т. В. Рождественской отметим совершенство поэтической организации текста. Синтаксически представляя собой одно большое вопросительное предложение, он складывается из двух полупериодов, основу каждого из которых составляет триада однородных синтагм, связанных анафорой в первом случае (*чему… чему… чему…*) и грамматической рифмой во втором (*…видучи, …не видучи, …завидучи*). Создающие эту рифму краткие действительные причастия выступают (как и *творячи* в последней строке) в восточнославянском оформлении. Эта особенность выделяет граффито на фоне церковнославянской гимнографии XI–XII в. — как переводной, так и оригинальной восточнославянской, позволяя видеть в нем отражение особого регистра письменного языка, более терпимого к маркированным фонетическим русизмам[19].

Не меньший интерес причастия *видоучи* и *завидоучи* представляют для исторической грамматики русского языка. Образование действительных причастий от глагола *видѣти* по

[16] Приведем эти тексты по древнейшему славянскому списку: «Дш҃е моꙗ, дш҃е моꙗ, въстани, что дрѣмлеши? Коньць приближаѥтьсѧ и мълвити имаши. Възникни въпиюци, да пощадить тѧ Хс҃ъ Бъ вьсьде вьсѧчьскаꙗ испълнѧꙗи» (Типографский устав: Устав с кондакарем конца XI — начала XII века / Под ред. Б. А. Успенского. М., 2006. Т. II. С. 191); «Что лѣнишися, дш҃е моꙗ страстьнаꙗ, пека сѧ безъ оуспѣха, что оупражнѧѥши сѧ къ тьлѣющимъ? Послѣдьнии часъ ѥсть нынѣ и разлучити сѧ хощемъ отъсюдоу. И ꙗко врѣмѧ сътѧжавъши възникни зовоуци: съгрѣшихъ ти, Сп҃се мои, не посѣци мене ꙗко неплодьноую смокъвь, нъ ꙗко мл҃срдъ Гн҃оущедри страхъмь зовоуще лю҃а, да не прѣбоудемъ вънѣ чьртога Хва҃» (Там же. С. 196). Еще одна параллель, на которую нам любезно указала Т. В. Рождественская, находится среди тропарей первого гласа 16-й кафизмы Псалтыри: «Душе моя, что нерадиво живеши леняцися? Что не печешися о злыхъ, ихже содеяла еси в житии? Потщися исправитися преже даже дверь не заключит тебе Господь».

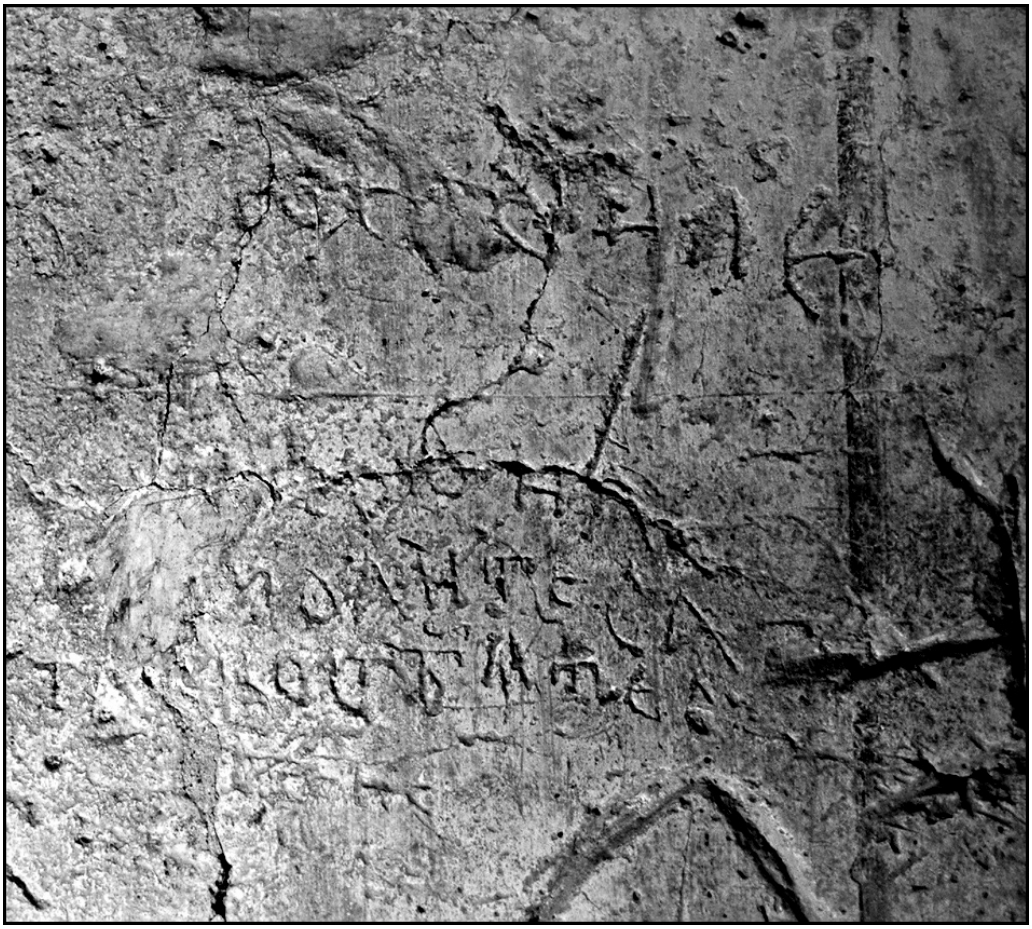
[17] *Рождественская Т. В.* Эпиграфические памятники Древней Руси X–XV вв. С. 18.

[18] Заметим, что эта модальность получает в тексте и очень точное грамматическое воплощение: в вопросе «чему не востанеши?» выступает так называемый «презенс напрасного ожидания» (презенс от глагола совершенного вида в контексте с отрицанием), выражающий, по А. А. Зализняку, значения типа ‘упорно отказывается сделать’, ‘всё никак не сделает’ (*Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. С. 178. § 4.18). Точную грамматическую параллель этой фразе содержит берестяная грамота № 644 (нач. XII в.): «*Чему не восолеши* чето ти есемо водала ковати?» ‘Почему ты не присылаешь то, что я дала тебе ковать?’ (Там же. С. 267).

[19] Ту же свободу в употреблении восточнославянских рефлексов *tj демонстрирует надпись № 103 из Софийского собора в Киеве, представляющая собой, как установила Т. В. Рождественская, вольное переложение двух фрагментов переводных «Разумов Варнавы». Церковнославянские формы своего книжного источника (*не хотѧщи, дѣтищa*) автор граффито заменяет древнерусскими (*не хотѧчи, дѣтича*), а также употребляет отсутствовавший в оригинале русизм *обьчь* (см.: *Рождественская Т. В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992. С. 144–150).

атематическому типу, с которым мы в данном случае имеем дело, не отражено ни одним из грамматических описаний и словарей древнерусского языка, фиксирующих для основ данного класса только формы с суффиксами *-яч-* (*-ящ-*). Следует, однако, иметь в виду, что в ранних деловых текстах причастия от *видѣти* не встречаются, тогда как в книжных памятниках они представлены исключительно церковнославянскими формами типа *видяще*. В силу этого *видоучи* и *завидоучи* нашего граффито, при их кажущейся аномальности, оказываются е д и н с т в е н н ы м и реально засвидетельствованными восточнославянскими суффиксальными формами причастий данных глаголов. Регулярным соответствием формы женского рода *видоучи* в именительном падеже единственного числа мужского рода является форма *вида*, трижды (!) представленная в Лаврентьевском списке «Повести временных лет».[20] Взаимно дополняя друг друга, показания Лаврентьевской летописи и надписи № 206 дают все основания считать, что в живой раннедревнерусской речи причастия от *видѣти* и его производных образовывались по той же архаичной модели, что и причастия атематических глаголов (*ѣда — ѣдоучи*, *вида — видоучи*), тогда как модель *видя — видящи* носила специфически книжный характер.

Следующие две надписи расположены в непосредственном соседстве друг с другом и поэтому представлены на общей фотографии и прориси.



[20] «радовашесѧ Ꙗрославъ *вида* множьство цр҃квии. и люди хр҃ьꙗны зѣло» (ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. 1037. Стб. 153. Л. 52); «*вида* идеши на смр҃ть. не ходи» (Там же. 1071. Стб. 176. Л. 59 об.); «се же *вида* старець повѣдаше бра҃и своюи» (Там же. 1074. Стб. 190. Л. 64 об.). В остальных списках во всех трех контекстах представлено обычное *видя*.

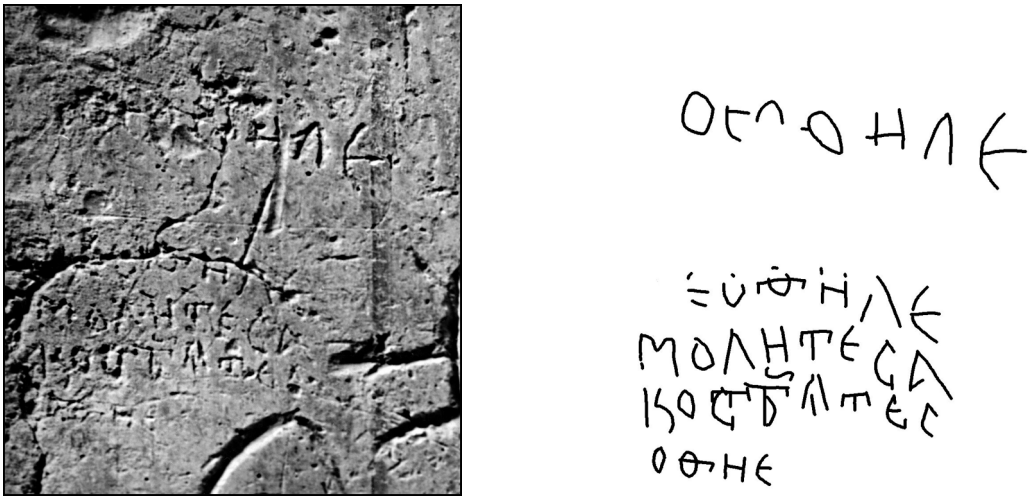


Рис. 2. Надписи Феофила (вверху нынешний вид, слева архивная фотография (Л. 87))

Краткий автограф Феофила

Местоположение: Мартирьевская паперть, западная стена, закладка дверного проема, 15 см правее левого края, 128 см от пола.

Архивные копии: Софийский собор, Церковно-археологический кабинет, фотоархив, инв. № 255 (фотографии граффити из архива реставратора А. С. Кузнецова), л. 86, 87 (машинописная нумерация).

Материал: Фресковая штукатурка XII в.

Размеры: Высота 2 см, длина 8,8 см.

Прочтение:

[Ѳ]е[оѳ]иле

Надписи тем же почерком: См. следующую надпись.

Второй автограф Феофила (№ 201 по А. А. Медынцевой)

Местоположение: Мартирьевская паперть, западная стена, закладка дверного проема, 15 см правее левого края, 124 см от пола.

Архивные копии: Софийский собор, Церковно-археологический кабинет, фотоархив, инв. № 255 (фотографии граффити из архива реставратора А. С. Кузнецова), л. 86, 87 (машинописная нумерация).

Материал: Фресковая штукатурка XII века.

Размеры: Высота 6,2 см, длина 7,6 см.

Прочтение:

1 (Ѳ)еоѳиле

2 молите са

3 ко ст҃ѧте С=

4 оѳие

Издания: 1. (фото, прорись) Медынцева (1978, № 201)[21]; 1.1. Зализняк (2004)[22].

Критический аппарат: 2: Медынцева; 3: *костѧте* Медынцева, титло Зализняк.

Комментарий к прочтению: Две первые буквы в слове, переданном выше как *ст҃ѧте*, являются как бы лигатурными: *с* совмещено с маленьким *т*, а *т* имеет вид буквы *ѣ* без верхней части мачты, т. е. представляет собой недописанную лигатуру *тв*. Данное скопление ошибок,

[21] *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. С. 145–146, 280. Рис. 123.

[22] *Зализняк А. А.* К изучению древнерусских надписей // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. XI. С. 276–277. § 6.

вероятно, возникло в результате колебаний автора граффито между правильными вариантами *сте* и *свѧте*. Чуть левее начала 3-й строки видна буква *т* или *г*, однако она, вероятно, не относится к данной надписи, так как все остальные строки граффито начинаются на уровне буквы *к*.

Внестратиграфическая датировка: 1100–1200 г. (*а* «удлиненная спинка»; графика: *ѣ* → *е*).

Надписи тем же почерком: См. предыдущую надпись.

Комментарий: Надпись демонстрирует эффекты бытовой орфографии (*ь* → *е* в 3 ед. *молите*; необозначение конечного *j* в *стѧте* (менее вероятно, что это краткая форма прилагательного) и мягкости согласного в *са* <сѧ>[23]) и черты древненовгородского диалекта (И. ед. (*Ѳ*)*еоѳиле* и Д. ед. *Соѳие*). Записанная в стандартной орфографии, но с сохранением диалектных особенностей, она читалась бы как *Ѳеофиле молить сѧ къ свѧтѣи Софиѣ*. По своему формуляру граффито сходно с № 26 (по А. А. Медынцевой): *Олисѣї молить | сѧ свти Софи*.

Автограф Сандуса (№ 1 по Т. В. Рождественской)

Местоположение: Мартирьевская паперть, северная стена, западная лопатка, юго-восточный угол, 115 см от пола. Граффито написано справа налево: оно начинается в 6 см правее угла (на восточной грани лопатки), а заканчивается на 9 см левее его (на южной грани). 3-я строка полностью выполнена на южной грани лопатки, остальные строки переходят с восточной грани на южную.

Материал: Фресковая штукатурка XII в.

Размеры: Высота 6 см, длина 14 см.

Контекст: Над стенкой кирпичной гробницы.

Рис. 3. Надпись Сандуса в Мартирьевской паперти (вид с юго-востока)

[23] Ср. сочетание этих двух эффектов в граффито № 210 (по А. А. Медынцевой): *сты Михала, Мыслатиниць*.

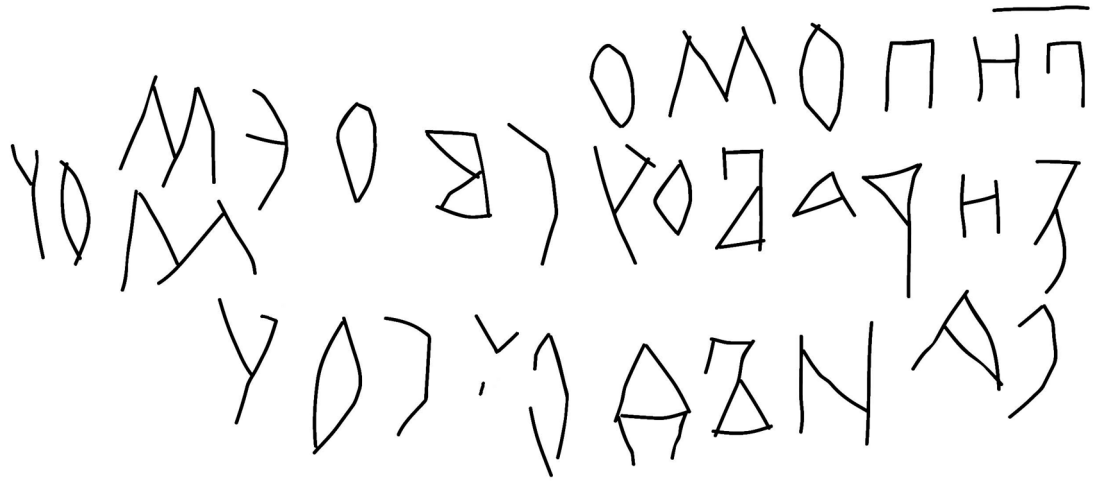


Рис. 4. Надпись Сандуса в Мартирьевской паперти (прорись-развертка)[24]

Прочтение (справа налево):

1 ги помо҃

2 зи рабоу своем҃

3 моу

4 Санъдоусоу

Издания: 1. (прорись) Т. В. Рождественская (2004, № 1)[25].

Критический аппарат: 1: Рождественская; 2: *раб* и *своем* Рождественская; 4: *соу* Рождественская.

Стратиграфическая датировка: Середина—конец XII в. (надпись сделана по фресковой штукатурке 1140-х годов над стенкой кирпичной гробницы, которая, вероятно, перекрыла данный участок стены в конце XII в.)[26].

Внестратиграфическая датировка: После 1180 г.; предпочтительно до 1300 г. (*б* «высокая петля», *з* «правонаклонные (развилка)», *р* «углом вперед»)).

Комментарий: Имя <*Сандусъ*> по происхождению — тюркское двусоставное[27]. Носитель этого имени упоминается в Ипатьевской летописи, где под 6668 (1159) г. говорится об убийстве половецкого князя Сантуза.[28] По всей вероятности, писавший был этнический тюрк (например, крещеный половец). Тот факт, что свое имя он записал с *ъ* в середине, показывает, что древнерусский язык был освоен им в эпоху до завершения падения редуцированных, когда отсутствовавшие в восточнославянской фонетической системе сочетания согласных могли, встречаясь в заимствованной лексике, факультативно разделяться неорганическими ерами (ср. *Анъдреѧ* и *Анътон-* граффити № 4 и № 130 киевского Софийского собора, а также *Аньдрея* в берестяной грамоте № 724, 60—70-х годов XII в.; ср. также *Валътыроу* (< нем. Walter) в берестяной грамоте № 881 (20—30-е годы XII в.).

[24] Данная прорись выполнена совместно с В. В. Солдатенковой. Основой для прориси послужила склейка из нескольких фотографий данной надписи, сделанных с разных ракурсов.

[25] *Рождественская Т. В.* Новонайденные древнерусские надписи-граффити Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. LV. С. 538—540.

[26] Ср. *Яйленко В. П.* [Рец. на:] Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М.: Наука, 1978. 310 с. // Советская археология. 1983. № 4. С. 230; *Лифшиц Л. И.* Собор Св. Софии. Конец XI — начало XII в.; 1109 г. С. 199—200.

[27] Согласно Н. А. Баскакову, оно составлено либо из элементов *san* 'достоинство, честь' и *tüz* 'оправдай', либо из элементов *syn* 'фигура, стан, рост' и *tüz/düz* 'стройный, прямой, ровный'. Ср. второй элемент данного имени в имени *Белдюзь/Вельдузъ* (с вариантами) в статье 6611 (1103) г. в «Повести временных лет» (*Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 75, 82, 88). Пользуясь случаем, выражаем признательность С. Р. Тохтасьеву за указание на работу Н. А. Баскакова.

[28] ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 505. На это обстоятельство обратил наше внимание А. В. Колыбенко.

В новом прочтении граффито оказывается ценным свидетельством присутствия тюркского этнического элемента в Новгороде в домонгольскую эпоху. Это свидетельство не уникально. Тюркским, по-видимому, является и имя *Кыясъ*, принадлежащее одному из адресатов найденной летом 2010 г. берестяной грамоты № 1000 (2-я пол. XII в.)[29]. Вероятными кандидатами на тюркское происхождение из числа персонажей берестяной письменности представляются также *Гюлопа* из грамоты № 729 (40–90-е годы XII в.) и его сын *Гюлопиничь*, упоминаемый в грамоте № 926 (1-я пол. XIII в.)[30]. Характерно, что все трое — Сандус, Кыяс и Гюлопа — жили (или, по крайней мере, находились) в Новгороде во второй половине XII в.

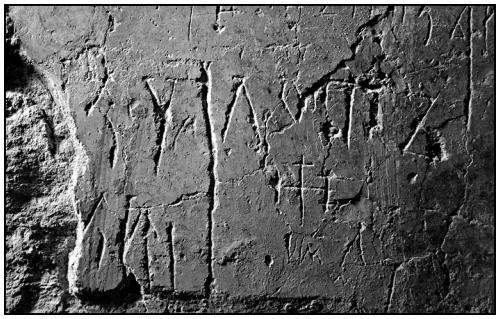
Осторожно заметим, что начертание надписи Сандуса справа налево может быть каким-то образом связано с восточным происхождением ее автора.

Автограф Кулотки (№ 4 по Т. В. Рождественской)

Местоположение: Южная галерея, северная стена, восточная лопатка, южная грань (северная сторона восточного входа в Мартирьевскую паперть), 53 см от правого края, 142 см от пола.

Материал: Цемяночная штукатурка XI в.

Размеры: Высота 6,5 см, длина 14 см.



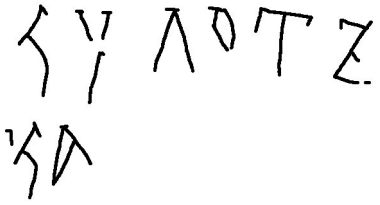


Рис. 5. Надпись Кулотки

Прочтение:

1 Кулотъ=

2 ка

Издания: 1. (прорись) Рождественская (2004, № 4)[31].

Критический аппарат: 1: *улотъ* Рождественская. Чтение Т. В. Рождественской: *Зулотъ*.

Внестратиграфическая датировка: 1100–1220 г. (графика: *у* после согласной; язык: редуцированные сохранены).

Комментарий: В новом прочтении граффито является еще одной фиксацией имени *Кулотка*, представленного в надписи № 66 (по А. А. Медынцевой) и берестяных грамотах № 105 и 656. Исходная форма этого имени — *Кулота* — выступает в отчестве *Кулотиничь* (бер. гр. Ст. Р. 14) и названиях ряда населенных пунктов Новгородской земли[32].

[29] См.: *Зализняк А. А., Торопова Е. В., Янин В. Л.* Берестяные грамоты из раскопок 2010 г. в Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2011 (в печати).

[30] Имя *Гюлопа* (первоначально прочитанное в грамоте № 729 как *Гюлопаѣ*) до сих пор трактовалось как финно-угорское, но убедительной этимологии для него так и не нашлось. Недавнее предложение связать его с частотной в финской антропонимике основой *holappa-* (из русск. *холопъ*) оставляет необъясненным передний гласный первого слога (см.: *Saarikivi J.* Finnic personal names on Novgorod birch bark documents // Topics on the ethnic, linguistic and cultural making of the Russian North. Ed. Juhani Nuorluoto. Helsinki, 2007. (Slavica Helsingiensia. 32.) P. 232–233). Между тем, этимологизируемое на тюркской почве, это имя без труда разлагается на элементы *гюл* и *опа*, которым (с учетом варьирования глухих и звонких согласных, ср. *Сандус* ~ *Сантуз*) может быть поставлен в соответствие ряд тюркских корней (*kül* 'славный, мудрый', *oba* 'род', *opa*, *apa* 'уважительное обращение к старшему' (см.: *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». С. 52, 53). Поскольку, кроме того, тюркскому *kül* может в русской передаче соответствовать *Кул-* (ср. там же об этимологии имени *Кулмѣи*), ничто не мешает сопоставить имя *Гюлопа* с реально засвидетельствованным половецким именем *Кулоба* (Там же. С. 79).

[31] *Рождественская Т. В.* Новонайденные древнерусские надписи-граффити Мартирьевской паперти. С. 542.

[32] См.: *Васильев В. Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005. С. 200.

Автограф Чудеха (№ 9 по Т. В. Рождественской)

Местоположение: Мартирьевская паперть, западная стена, закладка дверного проема, 74 см правее левого края, 105 см от пола.

Материал: Фресковая штукатурка XII в.

Размеры: Высота 8 см, длина 6,7 см.

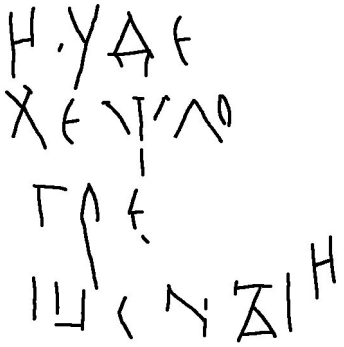


Рис. 6. Надпись Чудеха

Прочтение:

1 Ц[о]уде⸗

2 хе ѱло

3 гре⸗

4 шены^и^

Издания: 1. (прорись) Рождественская (2004, № 9)[33].

Критический аппарат: 1: *ц*[*о*]*уд* Рождественская; 2: *еѱл* Рождественская; 3: *гр* Рождественская; 4: *ш* и *ны^и^* Рождественская. Чтение Т. В. Рождественской: ... *цоуди*|*ле ѱлъ*| *грѣ*|*шьныи*.

Внестратиграфическая датировка: 1100–1220 г., предпочтительно 1140–1200 г. (*оу* II «уменьшенное *о*»; *ц* 3 «зеркальные»; *ы* II «без перемычки»).

Комментарий: Имя писавшего — *Чудехъ* (с новгородским диалектным окончанием *-е*) образовано от основы *чуд-* при помощи редкого суффикса *-ех-ъ*, ср. *Радехъ* (бер. гр. № 320); возможно, также *Репехъ* (бер. гр. № 134, 265)[34]. Надпись сделана в бытовой орфографии.

Надпись Лазаря, Игнатия и Константина (№ 13 по Т. В. Рождественской)

Местоположение: Мартирьевская паперть, западная стена, закладка дверного проема, 32 см правее левого края, 93 см от пола.

Архивные копии: Софийский собор, Церковно-археологический кабинет, фотоархив, инв. № 255 (фотографии граффити из архива реставратора А. С. Кузнецова), л. 86 (машинописная нумерация).

Материал: Фресковая штукатурка XII в.

Размеры: Высота 9,2 см, длина 34 см.

[33] *Рождественская Т. В.* Новонайденные древнерусские надписи-граффити Мартирьевской паперти. С. 544–545.

[34] См.: *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986. С. 150. § 60.

Рис. 7. Надпись Лазаря, Игнатия и Константина (вверху нынешний вид, внизу архивная фотография)

Прочтение:
1 ги спси раба своего Ла[з]ора
2 ги спси ра[б]а свое[го] Игна[т]иѧ
3 ги спс раба своего [К](ст)ѧнетина
Издания: 1. (прорись) Рождественская (2004, № 13)[35].
Критический аппарат: 1–3 (за исключением имен) Рождественская.

[35] *Рождественская Т. В.* Новонайденные древнерусские надписи-граффити Мартирьевской паперти. С. 547–548.

Внестратиграфическая датировка: 1120–1280 г., предпочтительно до 1200 г. (*а* IIб «выпуклые (плосковерхие)»; *в* IIа «перелом при мачте»; *в* 3а «верх больше низа»; *ρ* II «углом вверх»; *ρ* 9а «широкие открытые (с изломом)»).

Комментарий: Написание *Ла[з]ора* скорее всего имеет не фонетическую (отвердение *ρ*'), а морфологическую природу. Оформление имени *Лазарь* (*Λάζαρος*) как *о*-основы (*Лазаръ*, *-ра*) представлено в ряде старославянских памятников, особенно последовательно — в Саввиной книге[36]. В ранненовгородской письменности ср. надпись *Лазоръ* на фреске Николо-Дворищенского собора[37] (где, впрочем, *ъ* может объясняться и использованием одноеровой орфографии).

§ 10. В данном разделе публикуется раскрытая недавно в Мартирьевской паперти краткая глаголическая надпись[38].

Местоположение: Мартирьевская паперть, южная стена, восточный проход на улицу (заложенный в древности), восточная сторона, 20 см от левого края, 130 см от пола.

Материал: Цемяночная штукатурка XI в.

Размеры: Высота 1,3 см, длина 4,2 см.

Контекст: Над надписью — плетеный орнамент, нижняя часть которого нанесена поверх верхней части третьей буквы.

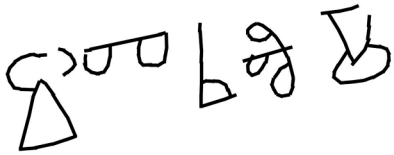


Рис. 8. Глаголическая надпись ⰣⰜⰬⰣⰢ

Прочтение:

ⰣⰜⰬⰣⰢ

Кириллическая транскрипция: *Стръи*[39].

Стратиграфическая датировка: Данный участок стены, вероятно, уже к концу XI в. был заложен, когда Мартирьевская паперть была превращена в закрытую галерею. В 40-е годы XII в. эти стены были покрыты фресковой росписью.

Комментарий: Слово *стрыи/стръи* 'дядя по отцу' здесь, очевидно, выступает как имя собственное. Использование его в антропонимике свидетельствуется прозвищами *Строй* (встречается регулярно) и *Стрыец*, отчеством *Стрыевич*, фамилией *Строев*[40], а также отразилось в названиях населенных пунктов: ср. *Строево* в Тверской, Костромской, Вологодской, Калужской, Орловской, Курганской областях, *Строевичи* Торжокского района Тверской области, *Стройково*

[36] См.: Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1973. II: к — о. S. 104.

[37] *Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю.* Монументальная живопись Великого Новгорода. С. 469.

[38] О других глаголических надписях в Софийском соборе см.: *Медынцева А. А.* Глаголические надписи из Софии Новгородской // Советская археология. 1969. № 1. С. 199–210; *Ее же.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. С. 25–32; *Михеев С. М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. I. С. 96–102. § 3.

[39] Фонетическая двусмысленность глаголического сочетания ⰣⰢ в принципе допускает прочтение граффито не только как *стръи*, но и как *стры*. Однако никакой правдоподобной интерпретации для второго варианта чтения не усматривается. Теоретически, так могла бы быть записана (после падения редуцированных) форма 3 л. ед. ч. аориста глагола *сътрыти* 'сокрушить'. Но, не говоря уже о странности изолированного употребления этой словоформы, сама возможность написания приставки без *ъ* в тексте второй половины XI в. крайне маловероятна.

[40] *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. С. 374, 376, 764; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. III. С. 780.

Тверской (в Лесном, Вышневолоцким и Спировском районах), Ярославской (в двух районах), Московской, Кировской областей. Ср. также польскую фамилию *Stryjkowski*, образованную от *Stryjko*, параллель к которому (с разницей в морфологическом роде) составляет *Уика* в берестяной грамоте № 116 (от *уй* 'дядя по матери'). С последним соотносится двукорневое имя *Уенѣгъ*, встретившееся в грамоте № 663. Достроить эту антропонимическую пропорцию позволяет надпись № 121 (по А. А. Медынцевой), известная по фотографии со слепка, опубликованной В. Н. Щепкиным (№ XXVIII)[41]. Последовательность *стръенѣ*, которую А. А. Медынцева выделяет в этом тексте, может принадлежать лишь имени *Стръенѣгъ* или его производному. Обращение к фотографии позволяет прочесть и букву, следующую за *ѣ*, — это *ж*. В надписи, очевидно, упоминалось имя *Стръенѣжько*; ср. *Братонѣжько* в берестяной грамоте № 745.

С фонетической точки зрения интересно, что как в *Стръи*, так и в *Стръенѣж-* для передачи напряженного *ŷ* использован *ъ*, а не *ы*. В большинстве позиций, в которых представлен этот напряженный редуцированный, он лишь изредка обозначается в древнерусских рукописях таким образом (на фоне нормативного употребления *ы*). Между тем, слово *стрыи* систематически пишется через *ъ* в целом ряде русских памятников XII–XIII в. разной региональной принадлежности, включая Синодальный список Новгородской I летописи (первый почерк: *стръ*ꙗ л. 31 (6666), *стръѧ* л. 41 (6685), *стръемь* л. 39 об. (6683)), Житие Саввы Освященного XIII в., Паренесис Ефрема Сирина 1269–1289 г. (обе рукописи галицко-волынские) и нек. др.[42] Особенно показателен в этом отношении Успенский сборник XII в., где на двенадцать написаний с *ъ* приходятся лишь два с *ы* (*стрыи* 130б17, 140б26; ср. *стръи* 300б24, 302б14, *стръꙗ* 135в10, 301а7, 302г2.5 и др., *стръю* 140г1, *стръѥви* 300а13)[43], при том что, например, словоформы типа *оумыеши* пишутся только через *ы*.

§ 11. В данном разделе разбирается группа надписей, занимающая небольшой участок стены в нижней части лестничной башни. Некоторые из этих надписей связаны друг с другом, поэтому публикуются совместно.

Все надписи выполнены по первоначальной цемяночной штукатурке и не имеют стратиграфической датировки.

Исследованная поверхность испещрена разновременными, в том числе и современными, надписями. Многие из них возникли позже времени фиксации данной группы надписей А. А. Медынцевой.

В левой части изучаемой группы надписей располагаются взаимосвязанные граффити № 1–2, частично изданные А. А. Медынцевой под номером 193, правее находится надпись № 3 (№ 196 по изданию А. А. Медынцевой), еще правее — граффито № 4, а выше этих надписей — граффито № 5 (№ 195 по А. А. Медынцевой).

[41] *Щепкин В. Н.* Новгородские надписи Graffiti // Древности: Труды Императорского московского археологического общества. М., 1902. Т. 19. Вып. III. С. 31. Табл. IX: 42.

[42] См.: *Ляпунов Б. М.* Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи. СПб., 1900. Вып. I. С. 119–138; *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка . 4-е изд. М., 1907. С. 231–232; *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11.1.) С. 226. § 363. Примеч. 2; *Виноградов В. В.* Орфография и язык Жития Саввы Освященного по рукописи XIII в. // Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. М., 1968. С. 156.

[43] Успенский сборник XII — XIII вв. М., 1971. С. 698.

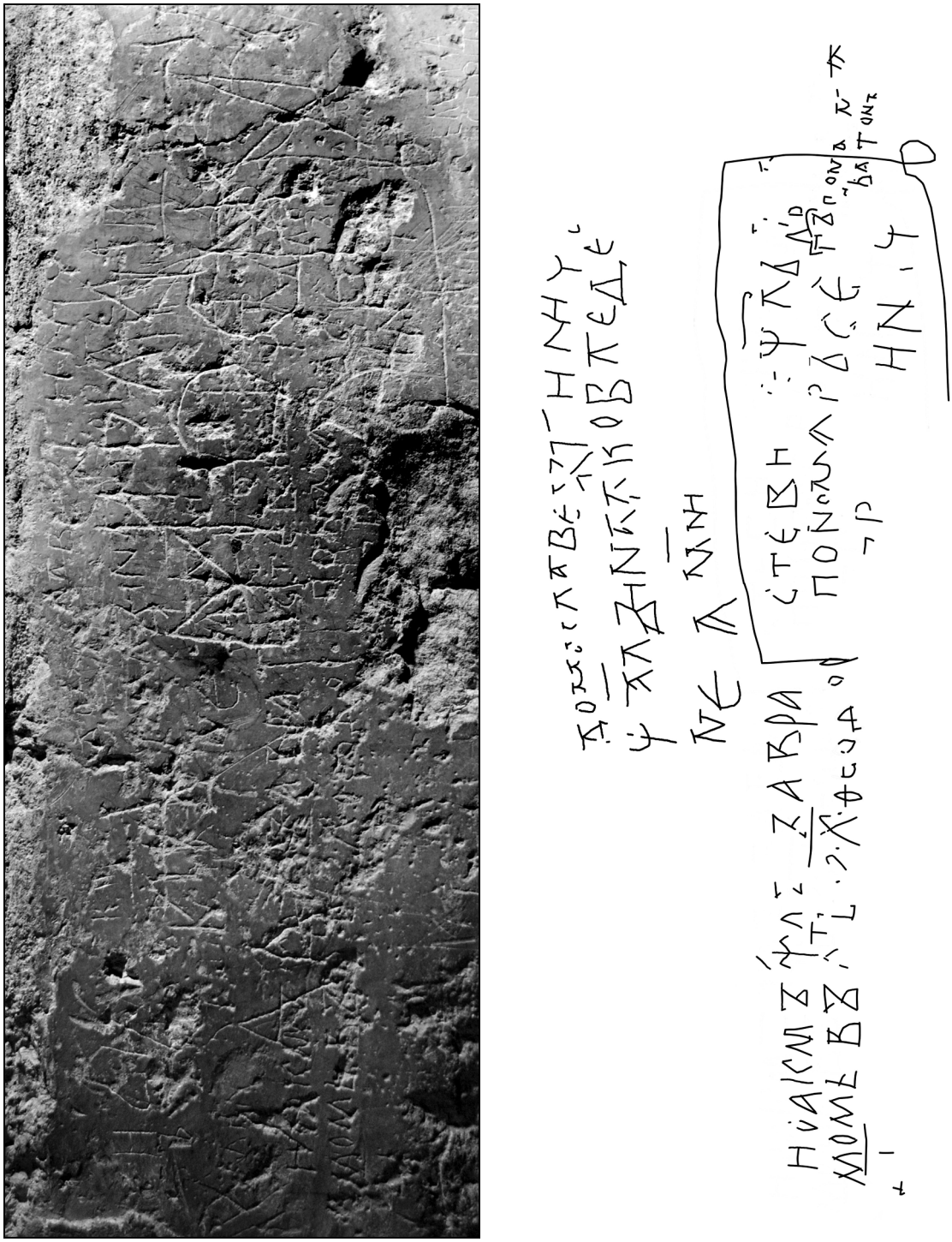


Рис. 9. Надписи в нижней части лестничной башни[44]

№ 1. Автограф Феодора

Местоположение: Лестничная башня, ствол, над 1-й ступенью, 118 см над ступенью.

Материал: Цемяночная штукатурка XI в.

Размеры: Высота 0,8 см, длина 3,6 см.

[44] Прорись выполнена совместно с В. В. Солдатенковой. При составлении прориси частично использовались фотографии данного участка стены, представленные в книге А. А. Медынцевой (Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. С. 276–277. Рис. 119, 121).

Контекст: Надпись выполнена до граффито № 2, которое обходит ее стороной. Рамка надписи № 3, возможно, прочерчена поверх буквы *р* данной надписи.

Прочтение:

Ѳеодор

(--)

Издания: 1. Медынцева (1974)[45]; 2. (фото) Медынцева (1974)[46]; 3. (фото, прорись) Медынцева (1978, № 193)[47].

№ 2. Надпись Иоакима и Аврама 6614 (1106/1107) г.

(№ 193 по А. А. Медынцевой)

Местоположение: Лестничная башня, ствол, над 2-й ступенью, 103 см над ступенью.

Материал: Цемяночная штукатурка XI в.

Размеры: Высота 3,6 см, длина 14,5 см.

Контекст: Переход со 2-й на 3-ю строку произошел там, где писавший достиг левого края надписи № 1, уже начертанной на стене на тот момент.

Прочтение:

1 Иоакмъ ѱ҃лъ (с)ъ Авра=

2 момь въ л҃тѣ ·г҃·х҃·

3 д҃і

Издания: 1. Рождественская (1972)[48]; 2. Медынцева (1974)[49]; 3. (фото) Медынцева (1974)[50]; 4. (фото, прорись) Медынцева (1978, № 193)[51].

Критический аппарат: 1: *иоакмъѱл* и *авра* Рождественская, титло и ъ(с)ъ Медынцева; 2: *момь* Рождественская, *въл*^{т}*ѣ·г҃·х҃·* Медынцева.

Датировка по содержанию: 6614 (1106/1107) г.

Надписи тем же почерком: Тем же почерком написана фрагментированная надпись, изданная А. А. Медынцевой под номером 194, расположенная в верхней части лестничной башни: *И*^{о}*акимъ ѱлъ ход… | съ Аврамомь в…*[52]

Комментарий к прочтению: Знак, следующий за *х҃* (600), А. А. Медынцева читает как *о* (70), восстанавливая дату как 667- (1170–1179). Между тем по своему размеру эта буква явно примыкает не к предыдущим, но к следующим за нею знакам, которые А. А. Медынцева в расчет не принимает и которые, как мы считаем, составляют вместе с ней имя *Ѳеодор* (см. предыдущую надпись). Знаки, обозначающие число десятков и единиц, располагаются в начале третьей строки и читаются как *д҃і* (14). Вся дата, таким образом, имеет вид *·г҃·х҃·|д҃і* (6614).

Комментарий: Рассматриваемое граффито является единственной известной в натуре датированной надписью в Софии Новгородской. Вторая датированная надпись – 6627 (1119/1120) или 6620 (1112/1113) г. – опубликована А. А. Медынцевой по ретушированной фотографии А. И. Шляпкина (под номером 17)[53].

Новое прочтение даты надписи № 193 влечет за собой любопытные лингвистические следствия. Окончание Тв. ед. *-омь* в форме *съ Аврамомь*, представленное в обоих автографах Иоакима

[45] *Медынцева А. А.* Новгородские надписи-граффити // Памятники русского языка: Вопросы исследования и издания. М., 1974. С. 19.

[46] *Медынцева А. А.* Палеография граффити новгородского Софийского собора // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 62. Рис. 3.

[47] *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. С. 139–140, 276. Рис. 119.

[48] *Рождественская Т. В.* Значение граффити XI–XIV вв. для изучения истории русского языка старшего периода. С. 115.

[49] *Медынцева А. А.* Новгородские надписи-граффити. С. 19.

[50] *Медынцева А. А.* Палеография граффити новгородского Софийского собора. С. 62. Рис. 3.

[51] *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. С. 139–140, 276. Рис. 119.

[52] Там же. С. 140, 276. Рис. 120.

[53] *Медынцева А. А.* Надписи с именем художника Стефана из Софии Новгородской // Советская археология. 1970. № 4. С. 143, 150–151; *Ее же.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. С. 39, 208. Рис. 10.

(№ 193 и 194) на фоне графики, не смешивающей *ъ* и *о*, в тексте второй половины XII в. однозначно трактовалось бы как отражающее прояснение сильного редуцированного в окончании *-ъмь*. Но как трактовать эту форму в тексте, написанном в самом начале XII в.? Надежные примеры прояснения сильных редуцированных фиксируются в новгородских памятниках (в первую очередь, берестяных грамотах) не ранее середины XII в.[54] Следует ли видеть в наших примерах древнейшие свидетельства этого процесса, удревняя его тем самым на полстолетия? Или же окончание *-омь* в наших надписях — это еще «старое», южнославянское *-омь*, вытеснение которого восточнославянской флексией *-ъмь* широко представлено уже в древнейших памятниках церковнославянского языка русского извода, начиная с Остромирова евангелия? Это означало бы, что флексия *-омь* могла в рассматриваемую эпоху факультативно восприниматься как один из «признаков книжности» — и это при том, что противопоставленная ей генетически восточнославянская флексия *-ъмь* уже была прочно усвоена церковнославянской языковой нормой. Не будем пытаться здесь решить этот вопрос. Противоречивость функционального статуса данной оппозиции уже отмечалась в литературе[55], и наш пример иллюстрирует ее как нельзя более ярко.

№ 3. Автограф первого пономаря (№ 196 по А. А. Медынцевой)

Местоположение: Лестничная башня, ствол, над (современной) 1-й ступенью, 85 см правее правого края первой площадки, 120 см над ступенью.

Материал: Цемяночная штукатурка XI в.

Размеры: Высота 6,5 см, длина 15,5 см.

Контекст: Надпись заключена в прямоугольную рамку. См. также комментарий к следующей надписи.

Сохранность: Нижняя левая часть надписи утрачена. Имеются многочисленные царапины, сколы в начале 3-й строки и в конце между 2-й и 3-й строками.

Прочтение:

1 Стеви-[е] ѱ҃ль

2 пономарь Се⸗

3 (с)[т]р(ѧ)[т]ин[и]ч(ь)

Издания: 1. (фото, прорись) Медынцева (1978, № 196)[56]; 1.1. Зализняк (2004)[57].

Критический аппарат: 1: *стеви*, *ѱ҃л* Медынцева, [*е*] и *ь* Зализняк; 2: Медынцева; 3: *ин* Медынцева, [*р*] и [*и*]*ч* Зализняк.

Внестратиграфическая датировка: 1120—1360 г., предпочтительно 1140—1320 г. (*а* 4 «широко раскрытые»; *р* Ia «округлая петля (прямая мачта)»).

Комментарий: Для имени в 1-й строке возможны конъектуры **Стеви*[*де*] и **Стеви*[*ле*]. Для первого варианта, помимо уже обсуждавшейся славянской этимологии (*sъdë-* (*sьdë-*) + *vid-*)[58], допустима также скандинавская. Имя *Стемидъ* в летописных договорах с греками 907 и 912 г. В. Томсен предположительно возводит к дс. **Steinviđr*. Фонетически закономерной передачей этого имени в древнерусском было бы именно *Стѣвидъ*. При выборе второй возможности трудности вызывает семантически и этимологически неясный компонент *вил-*, для которого в славянской антропонимии надежных параллелей не находится.

Отчество **Сестрятиничь* образовано от мужского имени **Сестрята*, сокращения от имени типа **Сестронѣгъ* (ср. пару *Братонѣгъ* ~ *Братята* в берестяных грамотах). Ср. современный населенный пункт Сестрятин в Ровенской области. Альтернативная конъектура

[54] *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 65—66. § 2.26.

[55] См.: *Живов В. М.* Восточнославянское правописание XI—XIII века. М., 2006. С. 30.

[56] *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV века. С. 140, 277. Рис. 121.

[57] *Зализняк А. А.* К изучению древнерусских надписей. С. 267. § 5.

[58] *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 85.

**Сестратиничь* менее вероятна, так как имя *Сестрата*, представленное в берестяной грамоте Ст. Р. 36, может быть только женским.

№ 4. Автограф второго пономаря

Местоположение: Лестничная башня, ствол, над правым краем 1-й ступени, 139 см выше современного пола.

Материал: Цемяночная штукатурка XI в.

Размеры: Высота 3,1 см, длина 6 см.

Контекст: Первые две строки данной надписи вмещены в рамку надписи № 3, однако места для продолжения в рамке не оставалось, поэтому следующие две строки выполнены значительно длиннее первых.

Прочтение:

1 [ψ] (Р)[а]⸗

2 до(нѣ)⸗

3 гъ понама⸗

4 (рь) [С]в[а]тон[ѣ](жичь)

Внестратиграфическая датировка: 1120–1320 г., предпочтительно 1140–1220 г. (*а* 4 «широко раскрытые»; *в* IIа «перелом при мачте»).

Комментарий: Имя *Сватонѣгъ*, ранее встретившееся в граффито № 104 (по А. А. Медынцевой) и, возможно, в еще одной софийской надписи (где от него сохранилось лишь начальное *Сва-*), до сих пор рассматривалось как содержащее корень *свят-* (с отвердением *в'*)[59]. Между тем оно явно входит в ряд имен со вторым элементом *нѣг-*, имеющих своим первым элементом термины родства: *Сватонѣгъ*, *Братонѣгъ*, *Уенѣгъ*, *Стрыенѣгъ* (о последнем см. выше, § 10).

№ 5. Автограф Домаслава (№ 195 по А. А. Медынцевой)

Местоположение: Лестничная башня, ствол, над 1-й ступенью, 126 см от ступени.

Материал: Цемяночная штукатурка XI в.

Размеры: Высота 5,2 см, длина 14,8 см.

Прочтение:

1 Домаславе Жгиниче

2 ψалы на Ѧковле де⸗

3 не амни

Издания: 1. (фото, прорись) Медынцева (1978, № 195)[60]; 1.1. Зализняк (2004)[61].

Критический аппарат: 1: *дом* и *славе*[ж]*гинич*[*е*] Медынцева, [*а*] Зализняк; 2: *ψ*, *лынѧков* и *еде* Медынцева, *л* Зализняк.

Внестратиграфическая датировка: До 1240 г., предпочтительно 1140–1220 г. (*г* 3 «без боковой засечки»; графика: *ж*).

Комментарий: Написание *Жгиниче* А. А. Медынцева трактует как записанное с ошибкой *Жг<р>иниче*, с чем согласен и А. А. Зализняк, заметивший по данному поводу: «Предположение о том, что писавший пропустил букву *р* в своем отчестве, более вероятно, чем то, что его отчество было Угинич)»[62]. Действительно, присутствие в софийских граффити имени Угрин (№ 145) и отчества Угринич (№ 223) делает предположение об ошибке наиболее простым объяснением. И все же возможность того, что текст записан без ошибки, не следует сбрасывать со счетов. Не представленное в святцах христианское имя *Угинъ* обнаруживается в таком памятнике, как апокрифическое «Сказание

[59] *См.: Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. С. 85; *Рождественская Т. В.* Новонайденные древнерусские надписи-граффити Мартирьевской паперти. С. 541; *Гиппиус А. А., Зализняк А. А.* О надписях на Суздальском змеевике // Балто-славянские исследования: 1997. М., 1998. С. 546.

[60] *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. С. 140, 277. Рис. 121.

[61] *Зализняк А. А.* К изучению древнерусских надписей. С. 285. § 7.

[62] Там же.

о Макарии Римском», где его носит один из трех главных персонажей — монахов, отправившихся на поиски земного рая. В старейшем списке памятника (РНБ. Кир.-Бел. 4/1081, XIV в.) это имя выступает в вариантах *Угинъ* и *Югинъ*, передавая греч. Ὑγίνος[63]. Использование в качестве крестильного имени, извлеченного из литературного источника, совсем не кажется невероятным в культурной ситуации Новгорода XI–XII в. Аналогичным образом, скорее всего из апокрифической книги Еноха, вошло в новгородский антропонимикон и имя *Рагуилъ*, также отсутствующее в месяцесловах[64]. Не должно смущать и сочетание изысканного христианского отчества с двукорневым языческим именем — примеры такого рода известны из новгородских источников (ср. хотя бы сочетание *Мѫтижиръ Огаѳангеловице* в софийском граффито № 115, прочитанное В. Н. Щепкиным[65]). Таким образом, вполне возможно, что отчество Домаслава действительно было Угинич[66].

§ 12. В данном разделе приводится уже известная надпись Стефана и публикуется другое граффито, выполненное тем же почерком.

Надпись Стефана (№ 152 по А. А. Медынцевой)

Местоположение: Лестничная башня, выше хор, оконный проем, левый откос. Надпись находится за нынешней оконной рамой.

Материал: Цемяночная штукатурка XI в.

Контекст: Правее надписей Ивана Дмитровича и Глеба (№ 153 и 154 по А. А. Медынцевой).

[63] «Умилимся убо и мы убозии и недостойнии иноци Сергий, Теофиль, Югин»; «и рече Феофилъ братома своима къ Сергѣю и ко Угинови» (Сказание о Макарии Римском // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 3: XI–XII века. С. 322). Заметим, что имя Феофил, для домонгольской Руси далеко не характерное, представлено в софийских граффити того же времени (см. выше, § 9).

[64] См.: *Гиппиус А. А.* Рагуилъ. Страница из истории русского именослова // Русистика. Славистика. Лингвистика: Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag / Hgg. Sebastian Kempgen, Ulrich Sweier, Tilman Berger. München, 2003. S. 144–154.

[65] *Щепкин В. Н.* Новгородские надписи Graffiti. С. 30; *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. С. 86.

[66] Поиск в Интернете обнаруживает также фамилию *Угинов*, но, связана ли она с тем же именем, сказать затруднительно.

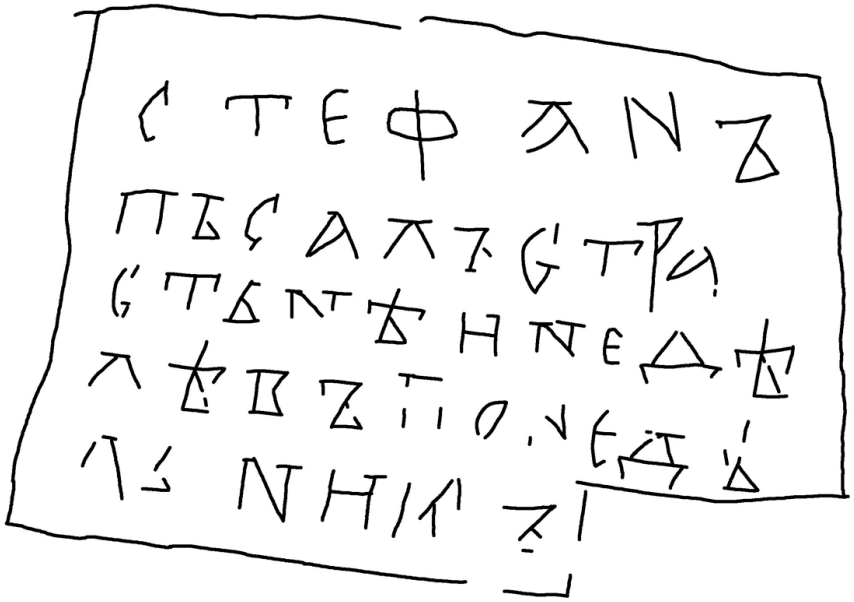


Рис. 10. Надпись Стефана в лестничной башне

Прочтение:

1 Стефанъ

2 пьсалъ стра

3 стьнѣи недѣ

4 лѣ въ понедѣ

5 льникъ

Издания: 1. (прорись) Медынцева (1978, № 152)[67].

Критический аппарат: 1–2: Медынцева; 3: *стьнѣин* и *дѣ* Медынцева, *е* Зализняк (2004)[68]; 4–5: Медынцева.

Внестратиграфическая датировка: До 1200 г. (графика: *ф*; язык: редуцированные сохранены, язык: без прояснения).

Комментарий: Ранее С. М. Михеев ошибочно относил эту надпись к группе надписей художника Стефана[69], хотя на отличия почерка автора надписи № 152 от почерка художника Стефана указала еще А. А. Медынцева[70].

Надпись о поставлении Стефана иподьяконом

Местоположение: Мартирьевская паперть, северная стена, восточная лопатка, западная грань, у левого края, 195 см от пола.

Материал: Цемяночная штукатурка XI в.

Размеры: Высота 14 см, длина 12 см.

Сохранность: Штукатурка испещрена насечками размером в 1–2 буквы.

[67] *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. С. 103, 255. Рис. 82.

[68] *Зализняк А. А.* К изучению древнерусских надписей. С. 285. § 7.

[69] *Михеев С. М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. II. С. 74, 78. § 5.

[70] *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. С. 103.

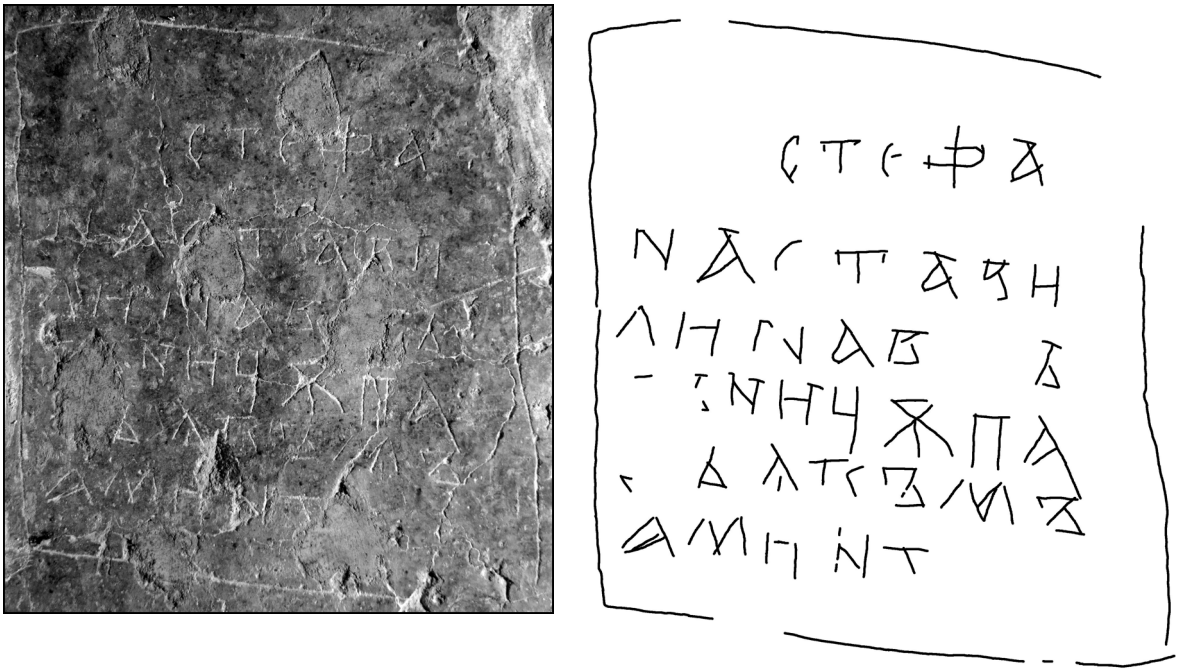


Рис. 11. Надпись Стефана в Мартирьевской паперти

Прочтение:

1 Стефа҃

2 на стави҃

3 ли на в(ьр)ь҃

4 [б]ьницѫ па҃

5 дьѧкъмъ

6 амин[ъ]

Стратиграфическая датировка: До росписи 1144 г.

Внестратиграфическая датировка: До 1200 г., предпочтительно 1120–1200 г. (*а* 7 «удлиненная спинка»; *ѧ* IIа «без перекладины»; графика: *ѫ*; графика: *ф*; язык: редуцированные сохранены, язык: без прояснения).

Комментарий: *Падьякъ*[71] — один из вариантов передачи греч. ὑποδιάκονος, в котором соответствием греческой приставки ὑπο- выступает славянская приставка *па-*. Публикуемое граффито является древнейшей фиксацией данной лексемы в оригинальной восточнославянской письменности.

[71] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. Стб. 859; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2000. Т. VI. С. 339; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1988. Вып. 14. С. 120.